

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР РУССКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ (размышления)

Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р.

г. Тюмень, ТюмГУ
г. Могилев, БИП

Когда мы вспоминали историческое событие столетней давности – событие Первой русской революции, прокатившейся по всей России в 1905–1907 гг., то перед нами открывалось широкое полотно радикального социально-политического действия с высшей кульминацией его в Октябре 1917 года. Это значит, что первую революцию нельзя рассматривать в отрыве от двух последующих. Это значит, что Большая русская революция начала XX века, о которой принято говорить «изменившая мир», проходила в три этапа и первым из них приходится на события 1905–1907 гг. а имела еще два по-настоящему решающих этапа – в феврале и в октябре 1917 г.

В этой связи возникает вопрос о смысле и назначении этой революции. Ради чего люди пошли на жертвы в этой ожесточенной социально-политической борьбе? Что такое русская революция для русской истории?

Ответ не лежит на поверхности, но по мере удаления от глыбы этого исторического события проступает его отчетливый контур. На самом деле – это было грандиозное событие перехода российской государственности из патриархальности в современность, от Самодержавия светского и духовного к Республике и Конституции, к подлинному Народовластию, которое лишь вначале приобрело вынужденную форму «самодержавия народа», но в дальнейшем мучительно, но верно проделывало эволюцию в сторону реальной социальной демократии.

Большевикам лишь выпала не легкая доля загрести жар этого всеисторического действия, этого тектонического сдвига пород российской цивилизации, и придать ему специфическую форму уникальной в своем роде победоносной (!) рабоче-крестьянской революции. Все или почти все крайности этого события русской революции были продиктованы крайностями тех, кто упорно не желал принимать реальность и необходимость такого перехода из патриархальности в современность, кто упорно желал «приморозить» Россию еще лет на сто. Разумеется, были и те, кто в той исторической ситуации держал золотую середину, позицию «здорового смысла». Но они были в меньшинстве и не имели шансов на успех.

Решающее большинство граждан России воспринимали народную революцию в чисто религиозных категориях – либо абсолютного добра, либо абсолютного зла при явном перевесе первого над вторым. Уж слишком реакционно-консервативным оказался романовский царизм на последней стадии своего существования. Вот почему история выбрала большевиков! Она выбрала тех, кто способен был держать щит от неимоверного разгула реакции, с одной стороны, и совершенной дикой анархии – с другой.

С этим можно не соглашаться по политическим мотивам, но в этом была судьба России. А значит, отвергая эту судьбу, вольно или невольно отвергают саму суть российской цивилизации. Это, как никто другой, понимали евразийцы, казалось бы, воевавшие на стороне белых, но вынужденные признать по итогам гражданской войны историческую правду русского коммунизма.

Для начала следует определиться в главном: революция – это хорошо или плохо? На первый взгляд, все очень просто. Революция – это скачок в развитии, быстрое и радикальное изменение чего-либо, своего рода – переворот. Однако отношение к революции может быть самое разное. Все зависит от того, на какой стороне баррикады находится оценивающий ее человек. Важно и то, в какой форме проходит революция, ибо, признавая закономерность тех или иных революционных событий, мы не всегда готовы признать их форму. Таким образом, оценочное суждение о революции опирается не только на вопрос Что происходит и во имя каких целей? Оно также задается вопросом: Как это происходит, каковы средства и методы революционной борьбы?

Все эти вопросы обретают особую остроту, когда речь заходит о социальных и политических революциях, поскольку именно в них кипят нешуточные страсти. Революция в науке или в искусстве и даже в религии, если она не затрагивает политической сферы, проходят сравнительно мирно, поскольку их бытие локализовано в пространстве отдельных видов духовной культуры. Но уже научно-техническая, промышленная или экономическая революция получают самый широкий общественный резонанс, затрагивающий основы человеческого бытия в социуме.

Наше время, как известно, не жалуется ни на понятие революции, ни тем более сам исторический факт русской революции. И это притом, что недавние события 1991–1993 гг. трудно характеризовать

иначе как революционные или контрреволюционные, во всяком случае, как имеющие отношение к коренному переустройству общества. Следовательно, революция революции рознь. И то, что хорошо в одном отношении и для одной власти, не всегда приемлемо для другой или в каком-то другом отношении. Вот почему научный подход к проблеме предполагает некоторое дистанцирование от политических страстей и пристрастий и стремится установить единый критерий оценки для всех.

Итак, первый вопрос, который здесь возникает, связан с общим определением революции как социального и политического события глобального масштаба. Заранее оговоримся, что речь не идет о банальных политических переворотах внутри одной и той же верхушки или правящей элиты. Слово переворот наиболее точно отражает ситуацию решительных разборок внутри господствующих классов. Но революция по определению затрагивает интересы не только правящей элиты и ее внутренних междоусобиц. Она обращена к широким социальным слоям, причем в вопросах, затрагивающих их самые важные жизненные интересы, сопоставимые с гамлетовским вопросом «быть или не быть?». Иначе говоря, революция – это большой переворот, а переворот – это маленькая революция.

Слово переворот здесь напрямую связано с ассоциацией переверачивания песочных часов: когда песок иссяк, и время остановилось, часы нужно перевернуть и тогда движение вновь возобновится. Именно это и делает революция. Тогда искомая формула приобретет красивый вид. На вопрос: для чего происходит революция? – мы получаем очевидный ответ. Революция возобновляет течение времени после долгого периода его остановки или застоя.

Известно, что бунты, восстания, перевороты сопровождают всю историю человечества, но термин революция возникает сравнительно недавно – в Новое время. И это отнюдь не случайно. Именно буржуазная эпоха и бурное развитие капитализма в Европе порождают качественно новое социальное явление под названием политическая революция. Речь идет о фундаментальных трансформациях в самих основах традиционного общества, которые проходят под воздействием стремительного промышленного развития и появления нового центра власти – крупного капитала. Именно перераспределение политической власти между ним и старой феодальной аристократией и составляет суть политических революций Нового времени.

Но особенность капитала в том, что он не существует сам по себе, по образному выражению К. Маркса, без своего «могильщика» – пролетариата. Консолидированный рабочий класс выступает необходимым источником роста капитала и всего мира общественного богатства. При этом сливки достаются другим, тем, кто стоит у «краника готовой продукции» и самих условий производства. Это само по себе создает социальное напряжение и консолидирует политический интерес труда по отношению к политическому интересу капитала. Эти два разнонаправленных интереса обречены на историческую конфронтацию, но в тактических вопросах борьбы за новый общественный строй они очень часто объединялись против сторонников феодального барства и монархического абсолютизма.

Как правило, пролетарии составляли необходимую социальную силу революций, ведомую под руководством буржуазии. Но бывало и наоборот, когда лидерство захватывали рабочие, видя слабость и неорганизованность буржуа перед угрозой возрастающей анархии и хаоса. Именно так это случилось в России в начале XX века.

Либеральная идеология, призванная обслуживать интересы буржуазии, перед лицом царистской реакции и его «невменяемого консерватизма» пропитывалась социальной и даже социалистической фразеологией и вовсе не помышляла о стратегическом союзе со старыми консерваторами против нарастающего социального движения. Если опыт буржуазных революций в Западной Европе использовал пролетариат по преимуществу как средство для достижения собственных целей, то в России пролетарское движение обрело самость, самостоятельное значение. Оно выступило автономным субъектом политической борьбы. Особый вопрос: почему это произошло? Пока мы констатируем лишь факт такого обособления.

Вот почему русская революция, будучи явлением тривиальным по меркам европейского и мирового капиталистического развития, в силу ряда особенностей российской цивилизации явно вышла за рамки средневропейского стандарта, и это дало повод показывать на нее пальцем. А всякий выход за рамки существующей нормы может оцениваться как с положительной, так и с отрицательной стороны. Все зависит от особых пристрастий наблюдателя. Именно в этом вопросе от ученого требуется особое мужество не погрешить против истины и не дать увлечь себя внешней корысти. Хотя бываю ситуации, когда корысть совпадает с объективностью. Напри-

мер, классики марксизма-ленинизма с известной последовательностью доказывали, что следование пролетарскому интересу совпадает с объективным интересом прогрессивного общественного развития, и связано это с особым положением этого класса в общей системе общественного производства. Впрочем, и в данном случае жизнь показала, что простые схемы в сложных общественных процессах не действуют, они лишь помогают правильно сориентироваться в этом круговороте корпоративных страстей и страстишек.

Пока ясно одно: революция – это норма общественного развития, но, как у всякой нормы, здесь возможны свои патологии, а внутри патологий действует своя закономерность, которую также не сбросишь со счетов.

Ради чего совершаются социальные революции? Что отличает их от простого народного бунта, каких было множество на Руси и в мировой истории? Песни слагали и про Стеньку Разина, и про Емельку Пугачева, однако строй и логика общественного развития оставались прежними. Что нового привносит социальная революция в логику новейшей истории?

И в более древние времена успех народным движениям сопутствовал лишь в том случае, если в нем принимали участие представители образованного класса, преследующие либо свой особый интерес, либо всерьез сочувствующие народу в его справедливой борьбе с угнетателями.

Однако история социальных революций Нового времени – особого рода. Она связана с переходом всей логики общественного развития в иную плоскость, от феодальной патриархальности к буржуазной современности, от тотального господства волевого начала в общественных делах к господству социально-экономических факторов, образующих гражданское общество и выстраивающих соответствующую ему политическую организацию на принципах конституционализма и республиканизма.

Столь радикальный шаг в самом способе организации общества и вызвал к жизни феномен социальных и политических революций, которые вошли в историю под названием буржуазных революций. Суть последних в том, что лидирующая роль в них принадлежала новому, бурно развивающемуся классу буржуазии, как классу собственников, противостоящих традиционной аристократии. Другая особенность этих революций была связана с вынужденной опорой

на обездоленный народ, лишенный в ходе раннебуржуазного развития старых феодальных покровителей и так и не нашедший новых. Именно поэтому он вынужден был перейти к активному формированию собственного политического самосознания, которое в дальнейшем получило название пролетарского или социалистического.

Заметим при этом, что буржуазные революции, как и всякие социальные революции, очень часто обретали предельную форму ожесточения, а самая великая из них – французская – и вовсе дала миру образцы беспримерного социально мотивированного кровопролития. В цепи революций 1848-49 гг. мир и вовсе получил образец чисто классово-диктатуры, названной в политологической литературе «диктатурой буржуазии» или диктатурой крупного капитала. И только при наличии органического противовеса в виде «диктатуры пролетариата» этот политический процесс постепенно приобретал вполне демократические черты, позволявшие говорить о закладке основ народовластия.

Таким образом, буржуазные революции при активном участии в них социального или социалистического элемента представляли собой важнейшую форму общественного прогресса в Новое и Новейшее время. В общемировом масштабе этот процесс вхождения в современность и в наши дни еще далеко не завершен, включая страны «золотого миллиарда».

В чем его суть? В развитии институтов гражданского общества или общественного самоуправления.

В области политической – это освоение правил и норм «парламентской говорильни» или, как принято теперь говорить, формальной демократии.

В области экономической – это цивилизованное отношение к частной собственности как институту, имеющему высшую форму общественной ответственности. Заметим, что только силой и мощью марксистской аргументации, как бы методом от противного, эта максима проходит в игольное ушко современной цивилизации.

В области социальной – это провозглашение прав и свобод личности, личного достоинства граждан, отмена сословий и юридическое закрепление принципа равенства всех граждан перед одним законом, получившее наименование буржуазного права.

В области культуры – это торжество секуляризационного процесса, освобождающего людей от тотального господства церкви.

Это бурное развитие науки, искусства, светской морали, расцвет классической и постклассической философии – все то, что мы привыкли связывать с эпохами Просвещения, модернизма и постмодернизма. Все это менее всего походит на бунт, как некий эмоциональный протест против вопиющей несправедливости. Революция отличается от бунта своей основательностью и необратимостью своих преобразований. В отличие от бунта революция несет положительный смысл, она не столько отрицает прошлое, сколько утверждает настоящее и будущее.

Революция в своей сознательно созидающей части лишь открывает плотину, запускает процесс по производству и культивированию социальной энергии и «творчества масс». Не нужно читать Ленина, чтобы понимать такие вещи. Но, читая Ленина, мы открывает историческую и политологическую конкретику этого глобального процесса. Существует множество свидетельств бурного развития капитализма в России в конце XIX века без всяких революций. Достаточно просмотреть работы Г.В. Плеханова, П.Б. Струве или В.И. Ленина 1890-х гг., чтобы убедиться, что «процесс пошел» и его уже невозможно остановить. Тогда почему революция все же полыхнула? Был ли у России шанс мирного вращивания в капитализм без буржуазных революций и тем более без их перерастания в революцию социалистическую?

Маленькая или большая буржуазная революция – вещь обязательная. Мировая история не знает исключений в этом вопросе. Большая буржуазная революция отличается от малой тем, что имеет некое всемирно-историческое значение и оказывает решительное влияние на другие страны. Кроме того, она не останавливается перед угрозой кровопролития со стороны контрреволюции и готова идти до конца в утверждении своего «правого дела».

Когда происходят такие революции? Когда они оказываются уж слишком новым явлением для мира в целом или для данной страны с ее исключительными историческими особенностями. Отсюда следует, что Россия по всем параметрам претендовала на большую буржуазную революцию с такими элементами, которых ни у кого до сих пор не наблюдалось.

Главная особенность России в плане ее общественно-политического устройства связана с историей русского самодержавия, как особой формы монархического абсолютизма, и русского православия,

о котором Вл. Соловьев не без оснований писал как о «национализированном христианстве». Эти две вертикали высшей власти в России - светской и духовной, призваны были образовывать некую «симфонию властей» в духе Византийской традиции. И когда это удавалось, возникал уникальный монолизм власти, для которой «все возможно», причем не только в практическом плане, но и в религиозном, что означало: «Новый Иерусалим» не в будущем человечества, а в настоящем Святой Руси.

Однако эта модель общественного устройства обнаруживала тем большую слабость в периоды кризисов: смены царской династии («смутного времени») или ослабления традиционной веры, что стало слишком закономерным со времен Петра Первого, превратившего церковь в «духовное министерство», лишенное исконного атрибута личной святости. Распад патриархального общества, лишенного традиций классического феодализма, и стихийное развитие капитализма в централизованной и одновременно такой разноликой России обостряли этот формационный кризис до общего кризиса российской цивилизации. Выходом из этого исторического тупика могла быть только большая буржуазная революция, причем революция особого типа. Эта особенность сделала ее сверхбуржуазной еще до того, как она произошла. Об этом свидетельствует вся русская культура XIX-начала XX вв., антибуржуазной и антикапиталистической по духу.

У России был шанс осуществления такой небывалой социальной революции мирным способом, сверху, если бы русский царь вдруг сделался одновременно и либералом и социалистом, перехватил лозунги либеральной и революционной русской интеллигенции, сделав ее союзницей своих радикальных социально-политических преобразований. Правда, для этого ему пришлось бы еще перестать быть заядлым монархистом, верящим в святость русского самодержавия, перестать опираться на черносотенное движение, признать права народов на самоопределение, на утверждение принципов конституционализма и республиканизма, набраться мужества решить, наконец, крестьянский вопрос, а попутно обозначить хотя бы решение рабочего вопроса.

Без всех этих риторических «если» Николай II был попросту обречен. Не надо было никаких большевиков, чтобы предсказать его печальный конец. Большевики понадобились для другого. Кто-то

должен был овладеть этой стихией народного бунта, чтобы направить ее в созидательное русло победоносной социальной революции. Даже если для этого пришлось выбросить лозунг социалистической революции. Или, может быть, ради нее и случилось все это стечение исторических обстоятельств?

Характерно, что до большевиков в течение 1917 г. фортуна давала шанс «порулить» каждой из политических партий революционной России, но ни одна не справилась с заданием.

Другой вопрос: стало ли капитализма больше в России после такой социалистической революции? Разумеется, нет, но процесс внутренней подготовки к принятию «буржуазного мира», как необходимого элемента современной цивилизации, пошел. Он шел подспудно, через тотальную секуляризацию, которая для большей своей основательности обрела форму просвещенческой реформации – религиозного по форме научения истинам социального разума и светской культуры. Именно Сталину удалось подчинить этой цели философию («диалектический и исторический материализм»), искусство («социалистический реализм») и даже науку путем прямых идеологических интервенций в эту сферу, как подчинил он этому и русскую православную церковь.

Однако тема развития буржуазности в недрах советского общественного строя явно выходит за рамки данного рассмотрения. Гораздо важнее другое, что такая установка на освоение всех достижений цивилизации буржуазных стран была четко сформулирована вождем пролетарской революции В.И. Лениным в его работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920). Тезис на первый взгляд чисто народнический и звучит он примерно так: мы не намерены отказываться от великих достижений буржуазного мира, но мы будем осваивать их на нашей советской основе, избирательно и по возможности избегая все мерзости классического капиталистического пути!

Итак, подведем некоторые итоги. Мы видим, что все страны мира на пути к современному состоянию общества прошли стадию буржуазных революций с большей или меньшей степенью их социализации. И лишь немногие страны, включая Россию, зачерпнули полной мерой переходность от буржуазных к социальным и социалистическим революциям. Почему? Ведь наряду с различием цивилизаций и культур должно действовать и различие политических

тактик и стратегий, различие путей для достижения одной цели – расширения действительно исторической базы для социального гуманизма? Потенциал социальных и социалистических революций присутствовал во всех без исключения странах мира. У всех по-разному разрешалась эта проблема. Ближе всего к русскому варианту событий были французы с их Парижской коммуной, а после Октябрьской революции в России – Германия в 1918 г. Следовательно, было нечто в российской ситуации такого, что перевесило чашу весов в пользу именно социалистической революции. Что же это?

При самой мрачной политической беспросветности русского самодержавия процесс вхождения в современность в области культуры и социально-экономических отношений был неудержим уже во второй половине XIX века. Народнический дух, исполненный идеей социального гуманизма, пронизывал собой все слои русской интеллигенции и культуры, даже те из них, которые по видимости противостояли народничеству как идеологии. Этот процесс нарастал как снежный ком и требовал решительных преобразований в политической сфере.

Однако мифическая святость самодержавия в России, освященного авторитетом официального православия, оставляла мало надежд на мирный исход, саму возможность мирного перехода к исторически востребованным принципам конституционализма и республиканизма. Эти надежды были ничтожными и потому, что противоположный, революционный лагерь все более тяготел к бескомпромиссной борьбе не на жизнь, а на смерть.

Тактический строй классических буржуазных революций был связан с двумя актами политической активности буржуазии: сначала с народом против монархии и аристократии, а затем с укрошенной монархией и аристократией против зашедшего слишком далеко народа. Так случилось, что в России этот алгоритм действий не сработал: слишком велика была пропасть между либералами от буржуазии и консерваторами от монархии, слишком долго они оставались по разные стороны баррикад, чтобы в одночасье выступить единым фронтом против революционных масс. В результате потенциал социально-гуманистической идеи, который в условия классического буржуазного развития реализовывался эволюционно, от эпохи к эпохе, в России 1917 года был выплеснут в пламя революции. И это произвело двойной эффект.

Во-первых, это дало колоссальный рост радикализма и связанного с ним ожесточения на обоих полюсах политического единорства. Произошла потеря гуманистического стержня в самих способах борьбы. Не случайно, 90% всех захватов помещичьих земель крестьянами приходится на лето 1917 года, когда большевики еще находятся в глубоком подполье и скрываются от преследований Временного правительства. В этот момент победить в России мог только тот, кто первым готов был узаконить случившийся факт рабоче-крестьянской революции.

Во-вторых, именно это обстоятельство дало невиданную концентрацию социальной воли по закреплению принципов социального гуманизма – прав трудящегося и эксплуатируемого народа – на уровне конституционного права в молодой Республике Советов.

Это обстоятельство формально и вывело Россию в XX веке в духовные лидеры эпохи. Она оказалась на гребне тех политических процессов, к которым классический вариант буржуазного развития еще только подходил. Она показала миру новый вектор реализации глобализационного проекта – на базе принципов социальной демократии и социализма. Именно в этот момент истории левое социал-демократическое крыло становится нормой политических единорборств, выдержанных в демократическом поле.

Таким образом, русская революция, вынужденная пройти чистилище гражданской войны, навязанной ей контрреволюцией, обозначила новый вектор глобализационного проекта целостной гуманизации общества: она перевела идею Просвещения из политико-правовой в социально-экономическую и общедемократическую плоскость. Другое дело, что способ реализации этого вектора движения, предложенный Россией, был слишком жестким для тех стран, которые волей истории шли классическим путем развития или приближались к нему. Но он же оказался своим для очень многих стран догоняющего развития. Это по крайней мере объясняет, почему во второй половине XX века за Союзом Советских Социалистических Республик пошла добрая половина всего человечества. И если бы не фатальная установка Северо-американских штатов огнем и мечем выжигать молодую поросль цивилизации будущего, мир уже в наши дни мог стать преимущественно социалистическим. И все потому, что общий вектор мирового развития определен самой логикой истории.

В случае классического варианта исторического развития процесс гуманизации общественной жизни идет от ценностей «правового государства» к ценностям «социального правового государства». В другом – неклассическом случае, ускоренного и догоняющего развития по пути модернизации, процесс гуманизации общественной жизни идет от ценностей «социалистического государства» к ценностям «правового социального государства», как это происходило в Советском Союзе и многих других странах мира. В этом случае термин «социалистический» означает лишь вынужденную более радикальную форму глобальной социализации труда и капитала.

И в этом также есть своя логика. Ведь оба этих процесса шли навстречу друг другу в соответствии с теорией конвергенции двух систем, столь активно разрабатывавшейся академиком А.Д. Сахаровым. И только геополитические и военно-политические факторы упорно сталкивали их лбами. Последствия этого столкновения и в наши дни продолжают создавать немало проблем развитию российской цивилизации. Это прежде всего проблемы тотальной дегуманизации всей социальной и экономической сферы, отбрасывания назад великих исторических завоеваний советской цивилизации.

Причина в том, что на волне антисоветизма люди автоматически забывают исходную истину, с которой в начале все были, кажется, согласны: капитализм – это неизбежная и по настоящему необходимая ступень исторического развития, но не он есть цель. Что-то другое должно прийти ему на смену, снимая то зло, которое он несет в себе. Это зло необузданной частнособственнической наживы, попирающей любую человеческую ценность, социальную справедливость и элементарную правду жизни. Вопрос не в том вечен ли капитализм, а в том, что и каким образом сможет его обуздать, не разрушая того, что принято называть достижениями мировой цивилизации.

Русский опыт в этом вопросе бесценен. Он несет в себе и отрицательный и положительный моменты для всего человечества. И достигнут он благодаря великой русской революции, ее смелому порыву шагнуть в неизвестность абсолютно новой социальной реальности. Начало этому процессу и положила Первая русская революция 1905-1907 гг., продолжением которой стал Великий Октябрь.